

Тала Тоцка
Я НЕ МОНТЕ-КРИСТО

МОСКВА
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-311.2(02.055.2)

ББК 84.4

T63

Точка Т.

T63 Я не Монте-Кристо / Т. Точка, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 384 с.

ISBN978-5-517-05344-2

Никто не знает, кто она, и откуда она появилась. Город взбудоражен не на шутку: наследница громадного состояния, незнакомка в маске, под которой, по слухам, скрываются уродливые шрамы, прицельно и метко наносит удар за ударом по бизнесу Никиты Елагина. Ее забавляют эти слухи, потому что самые уродливые шрамы остались на ее сердце, и тот, кто их оставил, теперь должен заплатить по счетам. Главное, устоять и не смотреть в глаза цвета кобальта лазурно-голубого, потому что от ненависти до любви намного меньше, чем один шаг, особенно, если это шаг ее маленького сына...

BIC FP

BISAC FIC027010

ISBN 978-5-517-05344-2

© Тала Точка, текст, 2021

© Юлия Плотникова, обложка, 2021

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021

© Т8 Издательские технологии, 2021

ПРОЛОГ

– И в чью башку пришла эта идиотская идея, хотел бы я знать? – Никита хмуро окинул взглядом стоящего перед ним начальника службы безопасности. И, очень хотелось верить, друга. – Кому захотелось так меня подставить?

– Так ведь мальчишка сам ко мне подошел, я расценил это как знак свыше, – Димыч смотрел, не моргая, уверенный в своей правоте. Впрочем, как всегда. – Я неподалеку припарковался, наблюдал, а его водитель в дороге застрял, подрезал кого-то, вот пацан и решил, что меня прислали взамен. Ему сказали, видать, что за ним Дмитрий на серебристом «мерсе» выехал. Подошел, спросил: «Вы Дмитрий?» «Дмитрий», – говорю. «Вы за мной?» Так а я разве не за ним? «Садись, – говорю, – родной, сейчас домчим». У него телефон разрядился, он номер машины сверить не мог, и скажи, что нам не подфартило?

Никита продолжал в упор смотреть на Семаргина, в душе соглашаясь с приятелем – такой случай глупо было упускать. Но только в душе.

– Это уголовная статья, Димыч. Ты не знал?

– Она не заявит, Никитос, – уверенно выдал Семаргин, – не тот случай. Зато бумажки тебе тут же в клювике принесет.

– Он ребенок. Сколько ему? Семь, если не ошибаюсь?

– Да ладно тебе архангела изображать, ты посмотри, как она прет, у нас нет шансов. А из-за сына быстро станет сговорчивей.

Никита отвернулся к окну, чтобы Димка не видел его глаза. Не такой он хотел победы и не такими путями собирался

сражаться за свой бизнес. Она ворвалась, как ураган, как эпидемия, похоронив под грудой обломков его самые лучшие и прибыльные проекты. А теперь готовилась перехватить тендер, за который отвалено было столько, что эти суммы просто неприлично было произносить вслух.

«У тебя нет шансов, – их лобби-агент лишь разводил руками, утирая со лба испарину, – там денег, как у графа Монте-Кристо, ты ее не перешибешь, Никита Александрович». И, по-хорошему, Димыч был прав, если бы не личный пунктик Никиты Елагина. Он и без того одержит верх над этой хладнокровной стервой, но играть будет по-своему, и уж тем более, не станет вмешивать сюда детей.

– Где он? – повернулся к Семаргину.

– На нашей тренировочной базе, – друг и не пытался скрыть досаду, наверняка сожалеет, что Елагин проявляет такое малодушие, – подумай, Никитка, когда еще выпадет такой шанс? Мальчишка без разговоров сел в машину, решил, что мы новая охрана его мамочки. Кажется, он до сих пор в этом уверен.

– Хоть на это у тебя хватило мозгов, не напугать ребенка, – хмыкнул Никита, – поехали.

Всю дорогу он спрашивал себя, откуда в нем выискалось столько благородства, хоть на самом деле глубоко внутри знал ответ – сыну Сальмы Фон-Россель было семь лет, столько же, сколько могло быть его сыну. Никита Елагин готовился к войне с этой самой Фон-Россель, но он не собирался воевать с ребенком. И сам не знал, почему решил лично его отвезти, хотя вполне мог поручить Дмитрию доставить мальчишку матери.

Достал телефон, пролистал телефонную книгу.

Этот номер давно уже был записан, Димыч практически сразу его раздобыл, в первый же день.

Сколько раз Никита едва сдерживался, чтобы не набрать этот ненавистный номер и не выплеснуть все, что накопело. Возможно, и с матами, чего уж церемонии разводить.

И сейчас он с каким-то яростным удовольствием нажал на вызов.

– Да, слушаю, – зазвучал из динамика хриловатый голос, будто она простужена.

Никита уже слышал этот голос, она всегда так говорит. Судя по всему, во время той аварии, или что там с ней произошло, у нее было повреждено не только лицо, а и связки. Говорит чисто, без акцента, все верно, Сальма Фон-Россель она без году неделя, всю жизнь была какой-нибудь Светкой Соколовой. Зато дыхание прерывистое, нервное. И Никита понял, что его номер у нее тоже давно записан. Она знает, кто ей звонит, и осознание этого заставило еще сильнее стиснуть телефон.

Как он его до сих пор не раздавил?

Он не мог объяснить, но от одного звука ее имени внутри все пламенело от злости.

Может, причина в самой фамилии Фон-Россель, ведь если бы тогда его семья не ввязалась в ту авантюру с наследством, его жена и ребенок были бы живы? Но Сальма здесь ни при чем, она появилась позже, тогда что, что заставляет его исходить яростью?

Где-то в самом дальнем уголке души он догадывался, что вся его ненависть направлена не на нее, а на самого себя, это себя он ненавидит и винит в том, что стало с его любимой. Но признаться в этом даже себе не хватало духу, куда проще обрушить поток ярости на кого-то, найти врага. И Сальма Фон-Россель здесь подходила идеально, она сама назначила себя на эту роль. Теперь оставалось лишь сдержанно говорить в трубку:

– Это Елагин. Ваш сын у меня.

– Я знаю. Скажите, что вам нужно, я все сделаю...

Так просто? Похоже, он в самом деле заигрался в благородство. Надо скорее отвезти мальчишку, потому что очень сложно будет не передумать и не забить на свои принципы и пунктики.

– Я сейчас его привезу, произошло небольшое недо-
разумение. Не в ваших интересах посвящать в наши дела по-
сторонних, госпожа Фон-Россель, надеюсь, вы меня поняли.

Она что-то начала сбивчиво лепетать в ответ, но он не стал слушать, нажал отбой. Надо дать ей понять, кто в этой ситуа-
ции главный. Бросил свой «Хаммер» прямо перед зданием и
даже не потрудился развернуть машину – кому надо, объедет.
Поднялся по лестнице, толкнул дверь. Мальчик сидел на ди-
ване в углу и рассматривал экран планшета, услышав шаги, он
поднял голову.

Никита поймал настороженный взгляд – настороженный,
не испуганный – и почему-то ощутил тычок в самое сердце. С
чего это? Шагнул вперед, а мальчишка вдруг улыбнулся, и от-
того, что улыбке не хватало нескольких молочных зубов, она
вышла совсем трогательной и беззащитной. Мальчик и сам
весь был такой беззащитный – слишком щуплый и худой с
торчащими лопатками и тонкими запястьями.

«Сразу видно, что одна парня растит, – подумалось Ники-
те, – ему не помешала бы хоть какая-то физическая поготов-
ка». А мальчишка продолжал улыбаться, и губы Елагина сами
собой растянулись в пусть не улыбке, ухмылке. Хорошо, хоть
не в зверином оскале, потому что Никита уже и забыл, когда в
последний раз улыбался. Так широко и жизнерадостно, как
этот мальчишка, наверное, лет восемь назад...

– Привет. Тебя Даниэль зовут? – он постарался, чтобы
прозвучало довольно непринужденно.

– Вообще меня зовут Данил, и мама меня так зовет. А я вас
знаю, вы Никита, – мальчик говорил по-русски довольно чи-
сто, если не считать легкого акцента.

– Да, Никита. Я что, такой популярный? – Елагин изо всех
сил сдерживал сарказм, нечего изгаляться перед ребенком.

– Я видел, вас по телевизору показывали, и мама сказала,
кто вы.

«Твоя мама выжившая из ума стерва, которая решила пу-
стить меня по миру. Меня и мою семью».

– Пойдем со мной, Данил, я отвезу тебя к маме. Произошло недоразумение, мой сотрудник перепутал тебя с другим парнем и привез сюда.

«Оправдание так себе, но сойдет, другого все равно нет». Он собрался было выходить, как вдруг мальчик встал, отложил планшет и протянул ему руку. Никита так растерялся, что автоматически протянул в ответ свою. Худая узкая ладошка легла в его широченную ладонь, и Никиту словно токомшибануло, он сжал пальцы и, больше не говоря ни слова, направился к машине.

Мальчик доверчиво шел рядом и по-прежнему улыбался. Никита тряхнул головой, прогоняя невесть-откуда взявшееся наваждение – это просто мальчик, сын его врага, и будет с него. Но через несколько минут с удивлением обнаружил, что увлеченно болтает с парнишкой.

Когда это тот успел так разговорить немногословного Елагина?

И где в это время был, собственно, сам Елагин?

Вопросы явно оставались риторическими, Никита раздраженно дернул рукой, и мальчик удивленно посмотрел снизу. Он и ростом не вышел для своего возраста.

– Извини, – буркнул Елагин, – а ты чего такой мелкий? Тебе в самом деле семь?

– Да, я просто всегда был такой, – мальчишка пожал острыми плечиками, будто извинялся, и Никиту снова пробило неведомое чувство. Жалость? Нет, скорее, захотелось подержать парня, сказать что-нибудь ободряющее. У него, похоже, совсем съехала крыша.

Это чужой ему ребенок, абсолютно, сын женщины, с которой уже завтра утром Никита вступит в жестокую борьбу, почему его тогда так сбивает с толку этот пронзительный взгляд? Серо-голубые глаза мальчика смотрели с совершеннейшим доверием, что полностью выбивало Никиту Елагина из привычной колеи, он забыл, когда на него так смотрели. Точнее сказать, давно на него никто так не смотрел...

Никита оборвал себя. Он запретил себе думать о прошлом, просто чтобы не сойти с ума. Если не думать о том, что было, можно даже делать вид, что ты живешь, а не существуешь. Надо поскорее сбегать парня матери, а там уже с чистой совестью продолжать войну. Которую не он начинал, но в которой он должен победить.

Обязан.

А мальчишка не ведал о проблемах Елагина и продолжал болтать. О том, как ему непривычно в новой школе, о том, что ему здесь нравится больше, чем в Штатах, и маме тоже здесь больше нравится, она просто не признается. О том, как ему нравится физика, вот только непонятно объясняет учитель...

– Постой, Даня, какая физика? – очнулся Никита. Он посмотрел в зеркало на мальчика, сидевшего в машине на заднем сиденье. – Ты в каком классе? И, кстати, ты как здесь сразу в школу пошел, разве ты не на английском языке учился?

Оказалось, Даниэль Фон-Россель в Штатах ходил в русскую школу, мама нашла какую-то общину, ей там никогда не нравилось, и она всегда хотела вернуться. Сам Данил вундеркинд, изучает физику с пяти лет, а сейчас застрял на строениях атома, какие-то сложности с притяжением электронов к ядру...

Закончилось тем, что Елагин съехал на обочину, влез в планшет и минут двадцать изображал героя фильма «Вспомнить все», зато по итогу был награжден счастливой щербатой улыбкой. И почему-то был невероятно горд собой. А озадачен еще больше, пожалуй, ему пора отдохнуть, когда все закончится, не мешало бы съездить куда-то, можно взять с собой Анжелу. Или Диану. Все равно.

Мальчик продолжал болтать, и когда впереди показался дом за трехметровым забором из красного кирпича с возвышающимся скворечником охранника, Никита испытал даже что-то похожее на сожаление, и это тоже его глубоко поразило. Он был уверен, что разучился чувствовать что-то отлич-

ное от равнодушия, все чувства давно забыты и надежно похоронены под обугленными обломками прошлого.

– Приехали, Даниэль, – он повернулся к мальчишке и углядел расстроенную мордашку. А ведь тот даже не спросил, что он делал на их тренировочной базе, понял ведь, что сел не в ту машину, а почему его сразу не отвезли домой, не спросил.

Данил высунулся в окно и позвал охранника, тот едва не скатился вниз по ступенькам. Ворота медленно отъехали в сторону, но Никита въезжать не стал, вышел из машины и снова впал в ступор перед доверчиво протянутой узкой ладонью. Он решил его измором взять, этот пацан. Ладно, пойдем.

И увидел ее. Она стояла на дорожке у дома, высокая, ну как высокая, все равно до него не доросла на хорошие полголовы. И очень тоненькая, это Никите совсем не понравилось. Он рассчитывал на более мощного противника, чем хрупкая женщина. Они подошли ближе, и ему захотелось выматериться.

Какая женщина, это же девчонка! Она совсем девчонка, почему его никто не предупредил, что ему предстоит война с какой-то пигалицей?

– Я думал, ты старше, – вырвалось само по себе, и Елагин увидел, как удивленно округлились глаза над шелковой повязкой.

Он не планировал ничего такого говорить, но та, с которой он собирался воевать, оказалась и правда слишком молодой для такой хватки и таких космических денег. Впрочем, у нее могли быть просто толковые советчики.

Никита рассматривал ее с любопытством, не в силах отвести взгляд. Легкая повязка скрывала лицо, говорили, что она прячет под ней жуткие шрамы, вроде как она попала в аварию и горела в закрытом автомобиле. Сам Елагин считал, что, возможно, она кого-то просто сильно достала, и ей плеснули в лицо кислотой – судя по методам, которые эта дамочка использовала в бизнесе, вполне могло быть и одно, и другое.

Но над повязкой особых повреждений видно не было, зато были видны глаза, большие, темные, что смотрели с опаской, поднимая в душе смутное чувство горечи и злости.

– Благодарю вас, господин Елагин, я...

И тогда он не выдержал, схватил ее за руку и, чуть не выдернув, прошипел возле уха.

– А ты не благодари. Ты с силами собирайся, потому что это был последний джентльменский жест с моей стороны. Больше не рассчитывай на мое благородство. Никаких твоих денег не хватит, Монте-Кристо, мать твою...

Последнее как сплюнул презрительно, отбросил руку и зашагал, не оборачиваясь, к машине. Она лишь успела пискнуть вслед:

– Я не...

Но он и этого не услышал. Хлопнул дверцей «Хаммера» и вдавил педаль газа.

* * *

Никто не знал, кто она и откуда она появилась. Город был взбудоражен не на шутку: наследница громадного состояния, незнакомка в маске, под которой, по слухам, скрываются уродливые шрамы, прицельно и метко наносит удар за ударом по бизнесу Никиты Елагина. О происхождении ее шрамов люди строили самые невероятные предположения, а ее забавляли эти слухи, потому что наиболее уродливые шрамы остались на ее сердце, и тот, кто их оставил, теперь должен заплатить по счетам.

Но сейчас она смотрела ему вслед и тщетно пыталась разжечь в душе тот огонь, что бушевал все эти годы. Ничего не выходило, даже не тлело ничего.

Вся ее решимость испарилась, стоило увидеть на дорожке, ведущей к дому, высокого, широкоплечего мужчину. Он шел своей обычной неторопливой походкой, как будто весь мир создан для одного Елагина, и этот мир может подождать столько, сколько ему понадобится.